

Андрей Георгиевич, вы писали в шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые и продолжаете это делать сейчас. В какое время было жить и творить комфортнее? Может ли писатель ощущать себя свободным?

- Я вырос на Пушкине, Лермонтове и Гоголе. Меня свободным сделало чтение русской классической литературы. Ее золотой век воспитал меня и как человека, и как писателя. Этот период был каким-то поразительным вдохом после войны 1812 года. То поколение осуществило себя. Но все закончилось в конце тридцатых - начале сороковых. Эпоха как бы прокисла. Дело ведь не в писателях, а во времени. Писатель - лишь выразитель времени в языке.

Что касается свободы... Когда после смерти Сталина появились первые аутентичные переводы, возникло и ощущение, что есть мировая современная литература. Мы не в вакууме! Современным людям трудно представить, в каком неведении находилось все и вся. Я был молодым человеком, который поначалу двигался на ощупь, как двигаются в темноте, а потом его ослепил тот свет, который прорвался во время так называемой оттепели...

Но когда говорят о шестидесятниках, то это не обо мне. Я не ходил в ногу ни с кем. Какой-то строй, стиль, процесс - все это выдумки кормящихся критиков. Писатель чаще всего живет сам по себе. Кстати, свободы хватало и при Сталине. Никто на самом деле ни во что не верил - ни в вождя, ни в социализм, ни в Бога. Когда говорят о вере в существующие тогда ценности - это ложь тех, кто хочет оправдаться, либо искреннее заблуждение людей, которые жили почти в состоянии гипноза. Все знали, что можно говорить и чего нельзя, каждый приспосабливался к условиям времени. Была плеяда писателей, которые получали различные премии - ленинские, сталинские, государственные... Сегодня мало кто помнит их имена, но они были рождены тем временем и по-своему отразили его. И то же самое время отразили совсем иначе Цветаева, Пастернак, Платонов, Набоков. И время - единственно объективное мерило - все расставляет по своим местам.

Почему же сейчас, когда нет цензуры, не появляется значительных произведений? Все заполнила массовая литература.

- Наша русская литература тем и велика, что никогда не была профессиональной. А сейчас сложился профессиональный пласт писателей. Маринина, Донцова... Что ж их ругать? В сегодняшней жизни столь напряжены ритмы и велики объемы информации, что людям просто не до чтения, они предпочитают читать. И появились профессионалы, которые удовлетворяют этот спрос.

Но есть и иные писатели. Радует, что продолжают творить Искандер, Петрушевская, Маканин. Очень успешна Улицкая, она стала как бы мостиком между поколениями. А вообще пишет вся Россия - следовательно, огромная часть людей невестребованна, несмотря на новоспеченный капитализм. Если на сорок тысяч рукописей один дебют успешный, это значит, все опять загромодили. Многие просто задыхаются в этой жизни и хотят самовыразиться. В литературе, как я уже говорил, появилось производство, конвейер. То есть идут самые разные процессы. Хотя в целом мне трудно судить о современной литературе, я мало ее читаю. Возможно - зря, и что-то теряю в своей неосведомленности. Но я в том возрасте, когда не хочется выходить за сформировавшийся круг интересов.

Но вы согласны с тем, что в советское время литература играла определенную роль в жизни? А сейчас никакого значения для общества она не имеет. Разве вам это не обидно?

- Та роль во многом была искусственной. Просто какая-то частичка информации просачивалась сквозь художественную литературу. Мы выковыривали ее, как из булки изюм. А сейчас грех жаловаться. Да, многие читают бульварную литературу. Но выходит и достаточно высокохудожественной, философской литературы. Главное, у нас есть выбор. А все эти рассуждения, что телевизор плохо влияет и много низкопробных книг, - обычная тоска по ошейнику.

Что вы хотите - у человека масса страхов сидит в подсознании. Страх перед начальником, страх потерять работу, страх голода или просто сделать что-то не так, как все. Поэтому у многих потребность в твердой руководящей руке.

- Русский человек еще не скоро из себя раба вытрапит. Задумайтесь, после отмены крепостного права прошло-то чуть больше века...

Сегодня Андрея Битова по праву называют классиком русской литературы второй половины двадцатого века. Его интеллектуальная проза - особая ниша в российской литературе. Андрея Георгиевича очень трудно застать в Москве: то он в Питере, то в Германии, в Нью-Йорке, Швеции... Битов востребован за границей не только как писатель, но и как учитель: его лекции во многих университетах мира пользуются большой популярностью. Мы встретились с писателем в его московской квартире на Краснопрудной. Здесь царит художественный беспорядок - повсюду бумаги, газеты, книги... Как говорит Битов, его дом - это отражение хаоса в стране. Вот и для беседы мы выбрали тему писатель и время.

Андрей БИТОВ:

РОССИИ ВПЕРВЫЕ ОТПУЩЕНО ВРЕМЯ, ЧТОБЫ ВСТАТЬ С КОЛЕН

Сейчас многие просят - ну дайте, дайте нам национальную идею. Да работайте вы каждый день, делайте свое дело, меньше жалуйтесь и меньше выпрашивайте. Какая еще может быть идея! Три поколения погубили - теперь три поколения ждите, когда все в стране наладится. Но если сейчас на попорченном, еще не вылеченном материале проводить реконструкцию, не знаю, к чему это может привести. Поднимется чернь. А чернь, как великолепно выразился один астролог, - это люди, опускающие все до своего уровня. Она существовала и существует. Великосветская чернь погубила Пушкина. Чернь иного порядка перевернула пирамиду в семнадцатом году. Перевернули долго строившуюся Россию. Она рушится, крошится, потому что пирамида на вершине долго не стоит. Она вся осыпалась обломками истории. Старое разлагается, новое рождается... И очень серьезное. Но это не значит, что нужно играть желваками, махать кулаками и куда-то всех звать. Надо молиться и каждому делать свое дело.

Я часто вспоминаю сказку Салтыкова-Щедрина «Как один мужик двух генералов прокормил». И сейчас мог бы прокормить. Нормальное здоровое общество - это когда каждый что-то делает для себя, а получается, что для другого.

Одни считают, что мир спасет красота, другие - нравственное самосовершенствование или труд. А ваше мнение?

- Человеку пора занять свое место. Тысячелетие, которое началось, нужно прожить всем миром. В двадцать первом веке нельзя дышать отдельным воздухом и пить отдельную воду. В будущем мир будет объединен не только Интернетом. Берегите лес, больше работайте и меньше пейте. Больше ничего. Человек не венец творения, а несовершенное существо. Но у него есть возможность самого себя делать. А если из тебя делают котлету, то раба - это неправильно... Время идет, впервые отпущенное России время, чтобы встать с колен. Дайте ему самому построиться...

Когда вы оглядываетесь назад, подведите итоги, хочется ли вам что-нибудь

изменить в прошлом? Чего вы стыдитесь и чем гордитесь?

- Мне нечего стыдиться - вот этим и можно гордиться. У меня есть сильные литературные вещи, есть послабее. Но все они сделаны с совестью, с эстетикой. Я очень мало написал лишнего. Возможно, потому что, когда писал, отсутствовало «литературное производство». Ведь и в золотом веке наши великие Пушкин, Лермонтов, Гоголь создали очень мало. У Пушкина много только поэм. А после него этот жанр уже оказался почти не востребован. Потому что выше «Медного всадника» все равно не прыгнешь...

Талантливых художников, писателей, композиторов часто называют пророками. У них как бы особая миссия на Земле. Вы с этим согласны?

- Писатель - это человек, который может запечатлеть современность. Можно посмотреть телевизор, новости, но это рассыпанная, разрозненная реальность. Потому что никто из людей и не находится в точке современности. Они живут в ней, но по законам, представлениям, созданным в прошлом, и в мечтах, мыслях о будущем. Поэтому так ценны для нас сиюминутные состояния любви, страсти, игры. И если что-то тут не удается, люди создают их искусственно - с помощью алкоголя, наркотиков.

А писатель, если хотите, совершает подвиг, потому что снимает кальку времени. И людей это начинает задевать, волновать. В этом времени содержится и будущее, которое потом станет очевидным. Но это не провидение мистическое. Это зрение настоящего.

Если ты поймал настоящее, значит, сказал и про будущее. Поэтому пророками становятся те, которые умеют творить современные произведения в истинном их значении. Кстати, само понятие современной литературы придумал Гете. Наверное, после того как написал «Вертера». Он почувствовал дух времени. Это и есть предвидение - когда видишь настоящее. Другое дело, что наши политики и бизнесмены, которых называют бандитами и чаще всего совершен-

но справедливо, тоже чувствуют время, но используют свой дар иначе. Недавно я пытался сочинить роман под названием «Формула трещины». Сначала это было метафорой моих мыслей о России. Ведь о России говорят, что она существует на границе времени и пространства. Понятие с точки зрения физики абсурдное. На самом деле эта граница реальна. И на ней образовалась трещина. Для простого человека трещина - это трагедия. Писатель описывает ее драматические, лирические моменты, страдая и сострадая. А бандиты в ней просто органично живут. Примерно как тараканы.

Власть, деньги и слава копятя всем миром. А потом - распределяются. Те, кому не достается ни власти, ни денег, ни славы, - это и есть народ. Вот такое коловращение... Значит, в этой трещине существует и вдохновение.

Талант - дело пустое. Неплохо обладать красивой фигурой, лицом, уметь сочинять стихи или рисовать. А вот уловить, почувствовать время или трещину, о которой я говорил, - это уже из области духа.

Разве это не более других гениев уловил Пушкин? Насколько он современен? Наш бывший министр культуры господин Швыдкой пытался поставить этот вопрос перед широкой публикой на телеэкране...

- Скорее это господин Швыдкой стареет. Все дело не в Пушкине, а в отношении к нему. Мы слишком «заксплуатировали» Пушкина. Постоянно делаются попытки сделать его неким национальным флагом. Немало искажений при трактовке его творчества в учебниках литературы, и то, что он это выдерживает, терпит на протяжении длительного времени - началось то примерно в 1888 году, - уже говорит о его величии. Моя личная пушкинистика - попытка сбить этот пафос не с Пушкина (он тут ни при чем), а с памятников. Пушкин и его окружение - это первые цивилизованные люди, которые смогли соединить время и пространство, а не разорвали его.

- Ну а вам все-таки удалось вывести «формулу трещины», в которой мы все оказались сегодня? И сможем ли мы ее залатать?

- Когда я писал «Формулу трещины», в этот момент по телевизору сообщили, как обвалился аквапарк. И я бросил ручку... Представьте, роман начинается с легких несовпадений, а потом герой видит, как ползет трещина по стене и все рушится. Вот вам и совпадение, которое вовсе не пророчество, а правильное чувство времени. Терроризм и катастрофы - это вещи одного порядка. Они сопровождают такие процессы, как гниение, распад. В данном случае - распад империи... Это одна из моих любимых тем. Долгое время меня за границу не выпускали. И я пользовался свободой разездов по Советскому Союзу. И вот парадокс. Сегодня я могу попасть и в Японию, и Швейцарию, а вот в Советский Союз уже попасть не могу. Увы, «Формулу трещины» я так и не вывел. Но думаю над этим.

- Вы объездили весь мир, но живете в Москве, то в Петербурге. Где комфортнее?

- Во многих отношениях в Москве. Я привыкаю к ней уже сорок лет. Впервые оказался в столице, когда мне было за двадцать. Здесь легче изучать империю. Я хотел снять телесериал «Империя добра». В любом месте, Владивостоке, Калининграде или Крыму, есть колоритные чудачки, которые выступали в роли местных героев. Я хотел объяснить через этих людей, что никто не тоскует по советскому строю, но то пространство под названием «СССР» было согрето общей жизнью, - вот что очень важно. Но идея фильма накрылась во время дефолта.

Но что раздражает в Москве, так это хамство. Сейчас модно все сваливать на последствия советской жизни. Еще одно последствие - мы не умеем себя подать, хвалить. У нас всегда считалось неприличным пиарство, самореклама. Теперь эта нескромность считается нормой. Никогда не получится так, чтобы сохранить лучшее, а худшее утратить. Пока что старое лучшее мы утратили, а новое не приобрели.

Очень люблю Бульварное кольцо. В доме на Краснопрудной проживаю уже четверть века. Когда перевозил маму из Питера, стал расширяться, делал обмен. Варианты предлагали разные. Но переехали в другую квартиру в этом же доме. То есть из этого улья так и не выбрался.

Помню, в 1961 году в неоконченном романе «Провинция» описал выход на Комсомольскую площадь. Она была тогда в разрыта, обшарпана, и описывал я ее с отвращением, презрением истинного питерца. А сейчас открываю путеводитель и читаю, что это один из немногих сохранившихся исторических и архитектурных ансамблей. Если раньше мне не везло на вид из окна, то сейчас из него виден родной Ленинградский вокзал. И меня это как бы связывает с Питером. По соседству есть Аптекарский переулок. А я вырос на Аптекарском проспекте. И смог поселиться на одноименной улице в другом городе - почти мистика... Представьте, покинув квартиру № 28 на третьем этаже около Московского вокзала в Питере, попал в квартиру № 28 на третьем этаже около Ленинградского вокзала. От судьбы не уйдешь...

- Андрей Георгиевич, раньше вы знали своего читателя, как говорится, в лицо. Кто ваш читатель сегодня?

- Те поколения, которым сегодня за сорок, меня знают. Первая моя культовая книга была написана в 1967 году - «Дачная местность». И тогда я знал, что меня читали. Я рад, что есть люди, с которыми после знакомства с моими книгами что-то произошло. Мой читатель - не массовый, он как бы рассыпанный и сокровенный. Но если его пересчитать по головам, то может получиться довольно солидный отряд. Особенно много я их вижу в провинции, а в Питере больше, чем в Москве. Мои книги издают, но небольшими тиражами. Начала почитать меня студенческая молодежь. Выходят книги в серии «Азбука классики», она доступна любому читателю и быстро раскупается. После 1991-го цензура идеологическая сменилась на цензуру экономическую. Например, мне пришлось издать несколько романов и повестей в дорогом варианте, в будущем они могут стать достоянием бумажности. Но знакомая учительница пожаловалась, что читать меня ей теперь дорого. Между тем Внешторгбанк, который купил часть тиража, раздает эти книги людям, которые поставят их на полку, но никогда не откроют. Вот такой обидный нюанс времени. Впрочем, мне грех жаловаться: читали и читают...

Татьяна ХАРЛАМОВА